

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ**

УДК 008:316.42

Т. С. Злотникова <https://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

В. М. Куимова <https://orcid.org/0000-0003-4047-1176>

Ностальгия по советскому в современном медиапространстве

Работа выполнена по гранту РНФ «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность» № 20-68-46013

Для цитирования: Злотникова Т. С., Куимова В. М. Ностальгия по *советскому* в современном медиапространстве // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 2 (119). С. 133-143. DOI 10.20323/1813-145X-2021-2-119-133-143

В статье поставлена актуальная и парадоксальная проблема ностальгии, объектом которой является советское прошлое, советское бытие, представления о советском бытии как источнике стабильности и нравственно-психологической определенности. Ностальгия рассматривается как культурно-философская метафора и как академически осмысливаемый предмет исследования в междисциплинарной парадигме. Дефиниция соотносится с психологическим дискомфортом и с потребностью в возвращении прошлого, воспринимаемого как гармонически устроенная жизнь. Понятие ностальгии и обозначаемый им феномен соотносится с несколькими проблемными дискурсами, находясь на пересечении социокультурного, философско-мировоззренческого, исторического, символического и психологического аспектов. Ностальгия оказывается способом мифологизации советского прошлого, актуализируя личный опыт представителей разных поколений как переживание негативных и требующих преодоления психологических коллизий.

Методология исследования связана с глубокими традициями социально-философской и философско-антропологической проблематики, заключается в представлениях о цикличности общественных процессов и явлений культурной жизни. С опорой на суждения Н. Бердяева, С. Булгакова, других философов и публицистов утверждается значимость аспекта ностальгии, связанной с тоской по утраченной России и по утраченным пространствам, эмоциям, связям. Для дворянской среды предметом ностальгии становится дореволюционная Россия, образ которой подвергается идеализации, а социальные проблемы монархического государства уходят в небытие. Советское бытие оказывается пронизано тоской по прошлому. Здравствующие поколения видят в советском прошлом психоэмоциональные реакции, которые транслируются как присутствующие там и отсутствующие в нынешнем обществе, – ценность дружбы, длительность любви, интерес к жизни, общественная включенность, готовность к принятию решений и отсутствие инфантильности, раннее взросление; актуализируются коллективизм, стабильность, товарищество как альтернатива утраты социально значимых идеалов. Отмечается динамика ностальгических проявлений у нескольких поколений советских и постсоветских людей. Анализируются медийные, в частности, представленные в телевизионной и кинематографической продукции, проявления ностальгии по силе и гармонии, верности избранному пути и маскулинной определенности (проблематика спорта, обращение к дискурсу власти).

Ключевые слова: феномен ностальгии, советское бытие, советская культура, распад СССР, историческая память, массовое сознание, ретропия.

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, ART

THEORETICAL ASPECTS IN STUDYING CULTURAL PROCESSES

T. S. Zlotnikova, V. M. Kuimova

Nostalgia for the *soviet* in the modern media scene

The article sets out the current and paradoxical problem of nostalgia, the object of which is the Soviet past, Soviet being, the idea of soviet life as a source of stability and moral and psychological certainty. Nostalgia is considered as a cultural philosophical metaphor and as an academically conceived subject of study in the interdisciplinary paradigm. The definition correlates with psychological discomfort and with the need to return the past, perceived as a harmonically arranged life. The concept of nostalgia and the phenomenon it denotes correlate with several problematic discourses, being at the intersection of socio-cultural, philosophical and worldview, historical, symbolic and psychological aspects. Nostalgia turns out to be a way of mythologizing the Soviet past, actualizing the personal experience of representatives of different generations as experiencing negative and requiring overcoming psychological conflicts.

The research methodology is related to the deep traditions of socio-philosophical and philosophical-anthropological issues, consists in ideas about the cyclical nature of social processes and phenomena of cultural life. Based on the judgments of N. Berdyaev, S. Bulgakov, other philosophers and publicists, the significance of the aspect of nostalgia associated with longing for lost Russia and for lost spaces, emotions, links is affirmed. For the noble environment, the subject of nostalgia is pre-revolutionary Russia, the image of which is being idealized, and the social problems of the monarchist state go into oblivion. Soviet existence is permeated by longing for the past. Living generations see psychoemotional reactions in the Soviet past, which are broadcast as present there and absent in the current society – the value of friendship, the duration of love, interest in life, social inclusion, willingness to make decisions and lack of infantility, early adulthood; collectivism, stability, camaraderie are being updated as an alternative to the loss of socially significant ideals. The dynamics of nostalgic manifestations in several generations of Soviet and post-Soviet people is noted. We analyze media, in particular, presented in television and cinematic products, manifestations of nostalgia for strength and harmony, fidelity to the chosen path and masculine certainty (sports issues, appeal to the discourse of power).

Keywords: phenomenon of nostalgia, Soviet existence, Soviet culture, breakup of the Soviet Union, historical memory, popular consciousness, retrotopia.

Введение

Феномен ностальгии, пережив несколько эпистемических превращений, сейчас воспринимается и как культурфилософская метафора, и как академически осмысливаемый предмет исследования в междисциплинарной парадигме. Изначально термин подразумевал исключительно психологическую манифестацию: ностальгия ассоциировалась с болезнью, которая приводила к ухудшению физического самочувствия. Впервые такое состояние обозначил врач Дж. Хофер в 1688 г. Слово «ностальгия» он применял при описании швейцарских наемных солдат, которые находились вдалеке от дома [Wildschut, 2006, с. 975]. Эта тенденция понимания термина сохранялась на протяжении XVIII-XIX вв., однако со временем физиологический компонент сменяется эмоциональным. Симптомами ностальгии стали считаться тревожность (нервозность), уныние и проблемы со сном. Так расценивались психологические и психические расстройства, которые в названный период понимались уже в

обыденном смысле. В период до Первой мировой войны неврозность существовала одновременно как своего рода социальный диагноз и как доминирующая структура чувств [Юханнисон, 2018, с. 196-197]. Уже в XX в. ностальгия становится метафорой: глобальной тоской по идиллическому периоду. Как отмечает социолог Р. Н. Абрамов, исследователи сходятся в оценке причин роста ностальгических настроений именно в этот исторический период. Ко всеобщей тоске по «лучшему прошлому» привели урбанизация и индустриальное развитие городов, которое способствовало появлению серьезных поколенческих разрывов; ускоренный темп модернизации в большинстве отраслей, а также серия глобальных катастроф и необходимость переживать травматический опыт [Абрамов, 2012, с. 8-9]. Наконец, сейчас понятие и обозначаемый им феномен ностальгии входят сразу в несколько проблемных дискурсов, находясь на пересечении социокультурного, философско-мировоззренческого, исторического, символического и психологического

аспектов. С одной стороны, она оказывается способом мифологизации прошлого, что актуально в контексте формирования политического мышления и идеологии [Marcos, 2004]. С другой – ностальгия в современном мире, как и в прошлом веке, актуализирует личный опыт переживания психологических коллизий.

Методы исследования

Методология данного исследования базируется на различных аспектах социокультурного и историко-культурного подходов (Я. Ассман, З. Бауман, Г. Маркузе, Л. Репина), который объединяет проблематику социального познания и философские основания культурно-исторического знания. Общетеоретический аспект, связанный с глубокими традициями социально-философской и философско-антропологической методологии (Н. Бердяев, С. Булгаков, Вяч. Иванов, А. Швейцер, О. Шпенглер), заключается в представлениях о цикличности общественных процессов и изначальном многообразии явлений культурной жизни. Единство социально детерминированных и культурологически обеспеченных особенностей анализа позволяет в двуединой методологической оптике обратиться к понятию ностальгии, которое в данном исследовании изучается по отношению к советскому бытию. Будучи феноменом культуры, ностальгия подразумевает не только отношение человека к прошлому в его широком понимании, но и выборочную актуализацию опыта в конкретном социальном пространстве. Вместе с тем мы обращаемся к феноменологическому подходу и экзистенциальному анализу, учитывая научный опыт раскрытия смыслов существования и человеческих практик [Резник, 2008].

Результаты исследования

Обобщение социокультурной проблематики «ностальгии по советскому»

Мы полагаем, что отношение индивида, коллектива или социума к своему прошлому как отражение проблемы индивидуальной и коллективной памяти актуально и значимо в силу сменности исторических эпох. Связь между психоэмоциональным состоянием ностальгии и культурно-исторической дефиницией исторической памяти носит парадоксальный, но неоспоримый характер.

Историческая память, являясь сложным структурным и незамкнутым образованием, имеет разные воплощения/проявления, фиксируя как позитивные, так и негативные ситуации, воспри-

нимаемые разными людьми или разными группами людей с отличными коннотациями. Логично, что историческая память рассматривается исследователями как социокультурный феномен. Л. П. Репина обращает внимание на символическую репрезентацию событий [Репина, 2003]. При этом память, несомненно, является психической функцией, которая включает в себя запоминание, накопление информации и обращение к ней. Соответственно, коллективная память подразумевает выборочную актуализацию общего опыта и его воспроизведение. Ставшая традиционной научная позиция предлагает следующую трактовку памяти: «С точки зрения отдельного человека память представляет собой агломерат, возникающий на основе причастности индивида к многосторонности групповой памяти. С точки зрения группы память есть вопрос распределения: это знание, которое она распределяет внутри себя, то есть между своими членами. Память образует в каждом отдельном случае “замкнутую систему”, элементы которой взаимно поддерживают и определяют друг друга, как у отдельного человека, так и в рамках группы», – утверждает Я. Ассман [Ассман, 2004, с. 38]. Для нас существенно представление о том, что в числе важных проявлений коллективной памяти и оказывается ностальгия.

Будучи универсалией культуры, ностальгия воплощает в себе острое переживание прошлого в качестве утраты. В статье, посвященной феномену ностальгии в Новейшем философском словаре, внимание акцентируется на особенностях эмоционального восприятия человеком временных параметров своего бытия – с его интенцией утвердиться во времени, которая является одной из форм счастья [Новейший философский словарь, 2003]. Обращено внимание на то, что позитивная эмоциональная окрашенность восприятия времени артикулируется применительно к прошлому или будущему, человеческое настоящее не может быть счастливым, что логично соотносится с представлением о «золотом веке», присутствующим в мифологии практически всех народов, и представлением о «светлом будущем», которое подразумевает как приход Спасителя-мессии, так и строительство коммунизма (существование марксистско-ленинской теории в качестве религии) в зависимости от идеологических принципов построения государства или общности.

Как мы отметили ранее, именно в XX в. ностальгия становится не просто болезненным со-

стоянием индивида, а метафорой, характеризующей настроения в обществе, направленные на идеализацию прошлого, на попытки восстановления утраченного, подчас мнимого благополучия. В плане рефлексии особое значение имеет ностальгия по культуре в широком понимании. З. Бауман утверждает, что тоска по ценностным ориентирам вызвана развенчиванием представлений о возможности абсолютного контроля над будущим, так как постоянство и стабильность подразумевают предсказуемость процессов [Бауман, 2019]. Крупнейшими авторами концепций краха культуры как следствия развития цивилизации в европейском научном сообществе являются О. Шпенглер [Шпенглер, 1998] и Г. Маркузе [Маркузе, 1994]. А. Швейцер свидетельствует о том, что кризис не будет преодолен, пока человек не возродится и не осознает себя [Швейцер, 1973]. Русские мыслители солидарны с европейскими коллегами. Так, Вяч. Иванов, утверждая кризис гуманизма, отмечал, что «жизненная ценность религиозно-нравственной нормы изменяется с каждой новой стадией культурно-исторического движения, и лучшее определение этой ценности в данный период есть ее испытание в огне душевных мук человека, застигнутого в разладе с собою самим, потерявшегося в тайниках собственного лабиринта, все выходы из которого он видит объатыми пламенем», – пишет философ [Иванов]. Н. А. Бердяев еще прежде приходил к выводу, что все проблемы современного человека происходят от чувства покинутости, ухода от Бога. Истинное познание возможно только при истинном бытии, которое остается неосмысленным в силу личной греховности, что составляет основу христианской онтологии [Бердяев, 2015]. Таким образом, мы говорим о ностальгии как тоске по утрачиваемой культуре, и этот дискурс составляет сущность философского мировоззрения прошлого столетия.

Как пророчески утверждал С. Булгаков (статья в сборнике «Вехи», вышедшем с широким общественным резонансом в 1909 г.), после революции в России на смену политическому кризису придет кризис духовный, который не является исторической случайностью. Проблема заключается в отрицании христианских ценностей, которые на онтологическом уровне были необходимы при сохранении духовного облика интеллигентского героизма. По мысли Булгакова, «рядом с антихристовым началом в этой интеллигенции чувствуются и высшие религиозные потенции,

новая историческая плоть, ждущая своего одухотворения. Это напряженное искание Града Божия, стремление к исполнению воли Божией на земле, как на небе, глубоко отличаются от влечения мещанской культуры к прочному земному благополучию. Уроливый интеллигентский максимализм с его практической непригодностью есть следствие религиозного извращения, но он может быть побежден религиозным оздоровлением» [Булгаков].

Необходимо подчеркнуть, что в контексте отечественной исторической динамики одной из причин ностальгии, родившейся в XX в., становилась так называемая дореволюционная жизнь. Это касается как аспектов, связанных с культурой повседневности, – атмосферы, взаимодействия с людьми и самих людей, а также еды, предметов гардероба, способов проведения досуга, – так и аспектов, более широко представляющих морально-нравственный облик и социокультурные практики людей.

Отметим традиционный в плане исторических причин (о другом будет сказано ниже) аспект ностальгии, связанной с тоской по утраченной России и по утраченным пространствам, эмоциям, связям. После революции 1917 г. произошло фактическое уничтожения целого класса – русской аристократии. Речь идет не только о разбойных нападениях на дворцы, сожженных усадьбах, стычках с мародерами из Красной армии и крестьянства, но и о физической гибели – арестах, ссылках, казнях. Дворянство, представители которого играли господствующую роль в политической, социально-экономической и художественной жизни страны в прежнюю эпоху, оказалось вынужденным выживать и приспособляться к новым условиям со статусом «лишenci». «Нет больше российского дворянства. Нет больше русской аристократии. ... Будущий историк расскажет вам подробно и точно, как умирал этот класс. И вы будете читать этот рассказ, и вы будете ощущать безумие и ужас» [Смит, 2018], – пишет А. Меньшой в статье «Сифилис».

Несмотря на потерю статуса, финансовых возможностей и жизненных перспектив, представители дворянства пытались сохранить традиции, распродавая при этом имущество. «Три вдовы (шереметьевский род – Лилия Шереметьева, Анна Сабурова и Мария Гудович) в Наугольном доме представляли старую Россию и обеспечивали связь с прошлым для молодых людей, родившихся слишком поздно, чтобы помнить прежнюю жизнь... Каждый бал начинался кад-

рилью, затем следовал вальс, опять кадрили и т. д. Тогда в большой моде был фокстрот, но на балах его не танцевали, поскольку пожилые дамы находили его развратным и безнравственным», – указывает Д. Смит [Смит, 2018, с. 228]. Бал как присутствовавший в обыденности элемент прежней жизни становится эстетическим способом гармонизации нового пространства и его присвоения. На экзистенциальном же уровне ностальгические настроения направлены не столько на материальные ценности, сколько на морально-нравственные представления и идеалы, на своего рода распорядок жизни, включавший привычное распределение гендерных ролей в семье, жизнь в браке и воспитание детей, культуру общения и сохранение родственных связей.

Ностальгические настроения были характерны не только для «старой» аристократии, которая осталась в стране, но для представителей первой волны эмиграции, которая продолжалась в период с 1917-го по 1920-е год. «...Но дайте мне, на любом материке, лес, поле и воздух, напоминающие Петербургскую губернию, и тогда душа вся перевертывается. Каково было бы в самом деле увидеть опять Выру или Рождествено, мне трудно представить себе, несмотря на большой опыт» [Набоков, 2017, с. 229-230], – пишет в автобиографической повести «Другие берега» В. Набоков.

Таким образом, для дворянской среды предметом ностальгии становится дореволюционная Россия, образ которой подвергается идеализации, а социальные проблемы монархического государства уходят в небытие. При этом и новое, советское бытие оказывается пронизано тоской по прошлому. После победы в Великой Отечественной войне мы можем свидетельствовать о культе подвигов героев, военных деятелей, что основано на официальной версии государства. Война имплицитно воспринимается как время определенности, мобилизации всех народных сил против единого врага под политическим лозунгом «За Родину! За Сталина!». При этом она до сих пор является пространством коллективной памяти, включающей как личную связь с событиями посредством семейных отношений (эмоциональный компонент), так и музейных артефактов, масштабных праздничных мероприятий, посвященных Победе. Чем в большем отдалении от исторических событий оказываются жители победившей страны, тем «навязчивее» транслируются воспоминания. Уже в современной России Парады Победы начали организовываться ежегодно

(с 1995 г.), ранее шествия проводились исключительно по юбилейным датам (непосредственно 1945, 1965, 1985, 1990 гг.). В 2020 г. воспоминания о подвигах народа в Великую Отечественную войну легли в основу кампании по голосованию за поправки к Конституции РФ.

Следует обратить внимание на психологическую особенность проявления ностальгических настроений в современной России. Ностальгию обычно испытывают те, кто непосредственно пережил какие-либо события. Но ностальгия по «советскому» сегодня – двойственна в своем поколенческом дискурсе: вероятно, ее испытывают современники событий 30-40-50-летней давности, но это же чувство характерно для молодых людей, не живших в то время. Казалось бы, в силу авторитарности тоталитарного режима (закрытые границы, отсутствие доступа к глобальной культуре) они должны испытывать негодование или даже отвращение к прошлой эпохе. Как представляется, новое поколение привлекают в прошлом психоэмоциональные реакции, которые транслируются как присутствующие там и отсутствующие в нынешнем обществе, – ценность дружбы, длительность любви и встреча партнера на всю жизнь, интерес к жизни, общественная включенность, готовность к принятию решений и отсутствие инфантильности, раннее взросление. Кроме того, речь идет о существовании ценностей, которые, в представлении нынешнего молодого поколения, были характерны для Советского Союза. К ним относятся коллективизм, стабильность, товарищество. Отсутствие социально значимых идеалов (так называемых «духовных скреп») сейчас приводит к постоянному обращению к прошлому. Молодые люди, не жившие в СССР, «скушают» о том, чего им не предлагает действительность. Они обращаются к репрезентации образа жизни из прошлого через тексты культуры.

Распад Советского Союза (с его не реализованной в окончательном виде, более того – невозможной к реализации целью социальной трансформации) является очевидной точкой бифуркации, которая подразумевала развертывание разновременных возможностей после 1991 г. Вне зависимости от выбора и реализации новой государственной программы прошлое проходит призму идеализации. Как подчеркивает исследователь [Абрамов, 2012], значимость концепта «ностальгия» заключена в том, что он может стать объяснительным ресурсом для понимания трансформации массового сознания и персо-

нальных идентичностей. Ностальгические волны, как мы полагаем, связаны с социально-культурными разрывами в обществе и масштабными институциональными и экономическими сдвигами, которые вне зависимости от пережитых личностных и надличностных кризисов воспринимаются более остро, поскольку происходят во вполне конкретном и не идеализированном настоящем.

Обыденный уровень проявления ностальгии может сказываться не только в очевидных активных акциях, но и в имплицитно проявленных политических предпочтениях. Так, в 2019 г. в России был побит исторический рекорд по уровню одобрения Сталина. Как показал опрос Левада-центра [Левада-центр, 2019], 70 % россиян позитивно оценивают роль политического лидера в историческом процессе и готовы оправдать репрессии. Как отмечают социологи центра, еще в начале 2000-х гг. отмечалось примерно равное соотношение позитивных и негативных суждений, в 2008-2014 гг. начало преобладать нейтральное отношение, с 2015 г. в стране происходит установка новой социальной нормы – одобрение действий Сталина.

Чем дальше от определенной исторической эпохи, тем выше оказывается оценка. Кроме того, уровень позитивного отношения к Сталину выше, чем к Брежневу, Горбачеву или Ельцину, что дополнительно объясняется государственной установкой на отношение к Великой Отечественной войне как к константе в патриотическом воспитании современного поколения, а также экономическим подъемом в период правления Сталина, но в определенной степени – попыткой современных людей противостоять социальному радикализму, отторгаемому (пугающему) на уровне обыденного сознания, что распространяется и на оценки исторических реалий. Важно отметить, что положительное отношение к советскому прошлому выражают не только люди, поддерживающие КПРФ, но и те, кто на президентских выборах голосовал за Владимира Путина.

Но характерной причиной ностальгии является и элементарная неосведомленность в фактологии. Важно, что с момента распада Советского Союза доля россиян, которые не осведомлены о событиях 1930-1950-х гг., увеличилась почти вдвое. Среди граждан возрастной группы от 18 до 24 лет 41 % мало знают о сталинских репрессиях [Левада-центр, 2020а]. Опрос 2020 г. «Структура и воспроизводство памяти о Совет-

ском Союзе» [Левада-центр, 2020б] показал, что среди представлений российского населения о советской эпохе преобладают положительные компоненты. Причем *ностальгия* по СССР, хотя и характерна для старших возрастных групп, присутствует и в жизни постсоветской молодежи, которая присоединяется к мнению: «Распад СССР – это трагедия, которой можно было избежать» [Левада-центр, 2020б]. Отсюда понятно, что ностальгические настроения в отношении «советского» прошлого объясняются несколькими причинами:

- необходимостью (потребностью) сопричастности к великой державе (великой истории);
- происшедшим на глазах у живших в это время поколений разрушением единой экономической системы, которая позволяла жителям страны осознавать себя представителями государственного и социально-нравственного целого;
- утратой чувства сплоченности и доверия, которым респонденты наделяют советское общество [Левада-центр, 2020б].

Таким образом, советская эпоха у респондентов ассоциируется со стабильностью, порядком и уверенностью в завтрашнем дне, а также с хорошей жизнью – «было лучше, чем сейчас, легче жилось». Воспоминания о репрессиях, ГУЛАГе, раскулачивании, голоде, «железном занавесе», изоляции и гонке вооружений оказываются в самом конце списка [Левада-центр, 2020б].

Естественно, что «советский человек» не являлся сочиненным проектом или однодневным образом. Это – воплощение человеческого опыта, востребованного в силу своего многообразия и, если можно так выразиться, соблазнительности, уязвимости и стойкой тенденциозности, сентиментальности и структурной определенности, странности и узнаваемости. Важно и то, что относительно небольшой период с 1917 по 2021 г. вобрал в себя жизнь трех поколений (разрыв составляет 30 лет), последнее из которых относится уже к современной России.

Для представителей первого советского поколения рождение представителей которого пришлось на формирование и становление Советского Союза, в качестве элементов культурного кода мы полагаем характерными коллективизм, впечатлительность, доверчивость, страх, послушание и непослушание одновременно. Люди были рождены в голодные для страны годы, вступали в комсомольскую организацию и участвовали в агитбригадах. Представители именно этого поко-

ления стали солдатами и офицерами Великой Отечественной войны, артистами фронтовых концертных бригад и тружениками тыла. Они окончили вузы в 30 лет, передали своим детям и внукам страх голода и лишений, а также восторг Победы и готовность преодолевать трудности ради «общего блага». Антропологическая и социокультурная основы культурного проекта, который может быть назван «советский человек», в своей основе имели травму, ставшую источником психоэмоционального напряжения. Формально вряд ли это могло быть источником ностальгии, но на деле – было.

Представители второго советского поколения (рожденные в 1945-1950-е гг.) в качестве элементов культурного кода имели индивидуализм, к которому добавились утрата веры и стремление к обособлению, отказ от социальных форм успеха, камерность, прямое и косвенное диссидентство. На второй план уходит социализированность и жизнь внутри коллектива. Как ценность осознается индивидуальность, а в культурном поле появляется рефлексия маргинальности. Поколение, воочию заставшее войну, кардинальным образом отличается от последующего, которое не так остро нуждается в стабильности и осознает необходимость изменений. Пожалуй, схожий разрыв мы видим между поколением, чья молодость пришлась на 90-е (рожденные в 1960-1970-х гг.), и следующим поколением, которое журналист Ю. Алексеев называет «небитым», с его политической активностью и стремлением к смене действующего режима, отстаиванию личных прав и свобод.

Ностальгия по «советскому» в медийной и художественно-эстетической сферах

В связи с уже обозначенной нами тенденцией утраты нравственных ценностей российские медиа активно эксплуатируют тему советского прошлого в его социально-историческом и социально-экономическом, а также – что естественно – нравственно-психологическом аспектах. Все эти аспекты содержат ностальгические мотивы. Полагаем, что это стало своеобразным залогом привлекательности для массовой публики и в итоге определило коммерческий успех произведений, основанных на названном мотиве, в сфере телевидения, кино и массовой информации. Причем речь идет не только о современных продуктах – программах, фильмах, сериалах, медиапроектах, но и о постоянном напоминании, которое возникает относительно значимости советской культуры в ее аутентичном качестве.

Необходимо привести эмпирические доказательства правоты сказанного. Прежде всего, видим эти доказательства в таком факте, как постоянная демонстрация в телеэфире советских фильмов в канун общероссийских праздников, например – перед Новым годом (максимально советский праздник по внешним атрибутам – стол, украшения квартир, веселое времяпрепровождение). Так, кинофильм «Ирония судьбы, или С легким паром!» (1975 г., режиссер – Эльдар Рязанов) попал в постоянный прайм-тайм телевидения только в 1989 г., фактически накануне распада страны. Двухсерийные фильмы, транслируемые в период существования Советского Союза в новогодние праздники и построенные на историческом либо сказочно-притчевом материале («Тот самый Мюнхгаузен», «О бедном гусаре замолвите слово», «Формула любви» и т. д.), были заменены не на новые картины, а на культовые советские комедии, не все из которых связаны с Новым годом, – «Джентльмены удачи», «Бриллиантовая рука», «Иван Васильевич меняет профессию», «Любовь и голуби». Кроме того, в последние пять лет на российском телевидении снова утвердился формат «голубого огонька» с присутствием и участием звезд и почетных гостей в новогоднем концерте.

Важный «тренд» отечественной телевизионной и киноиндустрии – создание продолжений или ремейков культовых советских фильмов. Как это ни огорчительно в плане культурной преемственности, по жанровой специфике современный ремейк становится незапланированной и не слишком качественной пародией на первоисточник. Данная культурная форма (пародия) была значимым феноменом советского времени в различных видах искусства – литературная пародия (от А. Архангельского до А. Иванова), музыкальная пародия, которая стала основой популярности В. Винокура, М. Галкина и других медийных звезд. Основной целью пародии по традиции являлось создание комического эффекта. Пародия же в современной культуре становится условной и достаточно прямолинейной формой диалога со зрителем, в котором существенным остаются искренняя заинтересованность (любовь) и знание источника обращения. Исходный текст культуры должен быть эмоционально и содержательно близок аудитории, а необходимым навыком автора выступает мастерство стилизации. В случае современной культуры новое прочтение, не являющееся пародией, по замыслу авторов, за счет вовлеченности зрителя и ностальгических

настроений приводит к коммерческому успеху продюсеров и прокатчиков. В конечном итоге мы получаем не совсем качественный продукт, который сложно ассоциировать со ставшим уже классическим советским кинематографом. Речь идет о картинах «Ирония судьбы. Продолжение» (2007 г.), «Служебный роман. Наше время» (2011 г.), «Джентльмены, удачи!» (2012 г.), «Кавказская пленница!» (2014 г.).

К эмоциональному воздействию ностальгического дискурса создатели новых произведений художественной культуры также обращаются в аспекте осмысления успехов прежней эпохи и формирования патриотической повестки современной России. Таковы актуализирующие любовь советских людей к спорту, к кумирам-спортсменам кинокартины «Легенда № 17» (2013 г.) – о восхождении к славе советского хоккеиста Валерия Харламова, «Движение вверх» (2017 г.) – о победе сборной СССР над сборной США в финальном матче мужского баскетбольного турнира XX летних Олимпийских игр в Мюнхене, «Лев Яшин. Вратарь моей мечты» (2019 г.) – о лучшем вратаре XX в. Яшине, вышедший в прошлом году «Стрельцов» (2020 г.) – о судьбе советского футболиста Эдуарда Стрельцова.

В многочисленных кинолентах явлен особый тип культурного героя – волевого, сильного человека, преодолевающего все препятствия, который в обязательном порядке представляет интересы страны на спортивной арене и признается другими державами, любим народом. Спорт заменяет в киноверсиях, как это было в социокультурной реальности советской эпохи, многие другие жизненные сферы для «соревнования» между странами и становится основанием и правом «легального» применения силы, которая воспринимается как один из основных факторов существования «сверхдержавы». Едва ли не в прямом следовании античным образцам спорт становится моделью жизни, позволяя компенсировать ностальгию по силе (маскулинное начало) и успеху (победа в спорте имеет конкретное и формализованное воплощение). Во-первых, есть место поединку, оппозиции «свои – чужие» и мужскому миру с патриархальной моделью ценностей, но в формально мирных условиях. Во-вторых, как и в реальной истории спортсменов, на первый план выходит брутальность в сочетании с нежностью, культ дружбы, утверждение долга – в социальном плане и в профессиональной (локальной) сфере реализации. Невозможно не обратить вни-

мание на матрицу, которая в сюжетном плане неизбежно присутствует в «спортивных» кинолентах: простой парень – неожиданность и даже случайность его успеха – любовь как испытание и награда – верность выбранному пути – испытание завистью и ревностью – победа как награда. На массовую аудиторию рассчитан очевидный посыл, в соответствии с которым любой человек, независимо от его положения и изначального социального капитала, может стать известным, а все трудности преодолимыми. Фильмы, посвященные спортивной тематике, «работают» на утверждение не только «силы» государства, но и возможной личной победы (мотивационная ось).

Сериальность, утвердившаяся в постсоветских медиа как популярный феномен телевидения, который в наибольшей степени оказывает эмоциональное влияние на зрителя и работает на вовлечение в эфирное время, становится «общим местом» для рализации ностальгии о советском прошлом. Во всем многообразии ТВ-продуктов, основанных не только на спортивной сюжетике, но и на разных, как обыденных, так и социально масштабных коллизиях и культурно-исторических принципах («Восьмидесятые», «Две судьбы», «Оптимисты», «Оттепель», «Смерш», «Палач», «Мосгаз»), мы можем обозначить несколько общих тенденций. Во-первых, это романтизация/идеализация советского быта и жизни советского человека, несмотря на все лишения. Во-вторых, рефлексия ностальгической тоски, связанной с воспоминанием о собственном детстве или юности (относится к сериалам, затрагивающим относительно недавнее время, 1970-1980-е гг., где происходит апелляция к личной биографии авторов или их ближайших современников). В-третьих, обращение к советской истории как источнику актуальных сюжетов, резонирующих у современного человека. К примеру, сериал «Мосгаз» – это не только погружение в советский быт, но и детективная история, которая частично основана на пяти преступлениях первого советского серийного убийцы Владимира Ионесяна, она в силу сюжетного построения идеально вписывается в сериальные каноны с ориентацией на чувства и постоянное напряжение, вызываемое наличием тайны и устремлением к ее разгадке.

Немаловажная особенность звучания ностальгического мотива в телевизионной продукции воплощается в детерминированном отечественной культурой дискурсе власти. Причем «поли-

тические» сериалы начала XXI в. охватывали своим материалом период от XVIII до XX в. Особо заметным оказалось воплощение фигур политиков прошлого века через архетипические особенности персон, считываемые широкой аудиторией. Неважным оказывается то, какие коннотации заложены в характеристики, – позитивные или негативные, важен сам факт «вспоминания» узнаваемого прошлого. Политический «приговор» Сталину вынесен в многосерийном фильме «Дети Арбата» (реж. А. Эшпай, 2004), литературную основу которого составляет трилогия А. Рыбакова. Глубокий старик, бессильная развалина (вопреки реалиям, поскольку действие в сериале происходит в начале 1930-х гг.), самый страшный носитель власти в России XX в., был сыгран гротесковым актером М. Сухановым как существо, которое самим фактом своего существования, а не реальными действиями влияет на судьбу страны.

С другой стороны, стремление не просто оправдать власть в ее конкретных лицах, но придать этим лицам живость, тепло, вызвать эмоциональный отклик у зрителя, было отчетливым в «Легенде о Екатерине» (реж. С. Попов, 2011) и в «Брежнев» (реж. С. Снежкин, 2005). Оба сериала стали прибежищем бытовых мифов; их признаки – невкусная пища, странная убогая одежда, невнятная речь присвистывающего престарелого правителя, разъезжавшего в «членовозе», наивные интриги и безобидные изменения. На смену присущим русской классике аналитическим, а не просто критическим тенденциям в отношении к представителям власти пришел неожиданный эффект постсоветской ностальгии. Вот почему представляется, что главным достижением постсоветских телесериалов о советской власти стал безошибочный подбор актеров-типажей: И. Розанова-Фурцева с ее незащитностью и В. Сухоруков-Хрущев с его задумчивым обаянием, горестно состарившийся (блестяще состаренный гримерами) С. Шакуров-Брежнев [Злотникова, 2019, с. 45-46].

Факт соответствия действительности (хотя некоторые события узнаваемы, их оценка может быть диаметрально противоположной по отношению к аутентичной) отходит на второй план, важной становится не реконструкция исторического опыта, а обращение к эмоциям людей, которые застали соответствующий период, либо формирование отношения к не пережитой ими истории у младшей аудитории.

Заключение

Культурные ситуации, в которых формировалась и развивалась ностальгия по «советскому» (военные годы и экономические кризисы, смена социально-политической системы и нравственные утраты и разочарования), имеют два разнонаправленных вектора реализации, что можно соотнести с идеей российско-американской исследовательницы С. Бойм [Boym, 2008]. Речь может идти о двух типах ностальгии – реставрирующего типа, которая ассоциирует себя с истинной или традицией и включает символы «светлого прошлого», и рефлексивного типа, которая использует прошлое в качестве пространственной и иронической игры. Мы полагаем, что Советский Союз как культурный феномен за редким исключением не становится объектом игровых отношений, поскольку эксплуатируется образ идеального прошлого, которое ощущается как потеря, но в котором современные жители России испытывают потребность, что становится важным для актуализации духовных оснований современного общества, в чем, собственно, и заключается парадокс современности. Подобная национально-ментальная интерпретация ностальгических настроений соотносима с понятием «ретропии» З. Баумана [Бауман, 2019], когда прошлое и будущее меняются местами: будущее наполнено тревогами и страхами, а точка опоры и место комфорта зафиксированы в прошлом. Здесь «работает» особый, драматический и парадоксальный модус, психологический и социальный, поскольку одиночество и страх одиночества являются не просто распространенными понятиями, а установленными фактами нашего времени, которые закреплены в жизненном опыте современности [Бауман, 2019]. Ностальгия, как и в случае с психотравмой, становится способом преодоления социально-нравственного и культурного дискомфорта.

Библиографический список

1. Абрамов Р. Н. Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 5-23.
2. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. Бауман З. Ретропия. Москва: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
4. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. Москва: Академический проект, Деловая книга, 2015. 528 с.
5. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интел-

лигенции) // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. URL: <http://vehi.net/vehi/index.html> (Дата обращения 20.01.2021).

6. Злотникова Т. С. Власть в России: Modus Vivendi и Artis Imago // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : сборник научных трудов XXI российской научно-практической конференции (с международным участием) (г. Екатеринбург, 12-13 апреля 2019 года). Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. 610 с.

7. Злотникова Т. С. Имперское бессознательное – контекст творческого самосознания личности // Ярославский педагогический вестник. Том 2 (Гуманитарные науки). 2014. № 2. С. 213-217.

8. Иванов Вяч. О кризисе гуманизма. К морфологии современной культуры и психологии современности. URL: https://rvb.ru/ivanov/1_critical/1_brussels/vol3/01text/02papers/3_151.htm (Дата обращения: 20.01.2021).

9. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. Москва : РЕФЛ-бук, 1994. С. 368.

10. Набоков В. В. Другие берега. Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 288 с.

11. Новейший философский словарь. – 3-е изд., исправл. Минск : Книжный Дом, 2003. 1280 с.

12. Резник Ю. М. Социокультурный подход как методология исследования // Вопросы социальной теории. 2008. Том 2. № 1(2). С. 305-328.

13. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт. Москва : ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.

14. Смит Д. Бывшие люди. Последние дни русской аристократии. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. 400 с.

15. Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе // Левада-центр, 2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/24/struktura-i-vosproizvodstvo-pamyati-o-sovetskom-soyuze/> (Дата обращения: 20.01.2021).

16. Уровень одобрения Сталина россиянами побил исторический рекорд // Левада-центр, 2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/16/uroven-odobreniya-stalina-rossiyanami-pobil-istoricheskij-rekord/> (Дата обращения: 20.01.2021).

17. Швейцер А. Культура и этика. Москва : Прогресс, 1973. 344 с.

18. Шпенглер О. Закат Европы. Москва : Феникс, 1998. 640 с.

19. Юханнисон К. История меланхолии. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. 320 с.

20. 41 % молодежи России не информирован о сталинских репрессиях, 11 % – событиях Второй Мировой войны // Левада-центр, 2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/24/41-molodyozhi-rossii-ne-informirovani-o-stalinskih-repressiyah-11-o->

sobytyah-vtoroj-mirovoj-vojny/ (Дата обращения: 20.01.2021).

21. Boym S. The future of nostalgia. Basic Books, 2008.

22. Marcos P. N. History and the politics of nostalgia // Jowa Journal of Cultural Studies. 2004. № 5 (Oct.). P. 23-35.

23. Wildschut T., Sedikides C., Arndt J., Routledge C. Nostalgia: Content, triggers, functions // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. № 91. P. 975-993.

Reference list

1. Abramov R. N. Vremja i prostranstvo nostalgii = Time and space of nostalgia // Sociologicheskij zhurnal. 2012. № 4. 5-23 s.

2. Assman Ja. Kul'turnaja pamjat'. Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti = Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 368 s..

3. Bauman Z. Retrotopija = Retrotopia. Moskva : VCIOM, 2019. 160 s.

4. Berdjaev N. A. Filosofija svobody. Smysl tvorčestva = The philosophy of freedom. The meaning of creativity. Moskva : Akademicheskij proekt, Delovaja kniga, 2015. 528 s.

5. Bulgakov S. N. Geroizm i podvizhnichestvo (Iz razmyshlenij o religioznoj prirode russkoj intelligencii) = Heroism and ascension (from reflections on the religious nature of the Russian intelligentsia) // Vechi. Sbornik statej o russkoj intelligencii. URL: <http://vehi.net/vehi/index.html> (Дата obrashhenija 20. 01. 2021).

6. Zlotnikova T. S. Vlast' v Rossii: Modus Vivendi i = Artis Imago. Power in Russia: Modus Vivendi and Artis Imago // Rossijskij chelovek i vlast' v kontekste radikal'nyh izmenenij v sovremennom mire = Russian man and power in the context of radical changes in the modern world : sbornik nauchnyh trudov XXI rossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem) (g. Ekaterinburg, 12-13 aprelja 2019 goda). Ekaterinburg : Gumanitarnyj universitet, 2019. 610 s.s.

7. Zlotnikova T. S. Imperskoe bessoznatel'noe – kontekst tvorčeskogo samosoznaniya lichnosti = Imperial unconscious – the context of the creative self-consciousness of the person // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. Tom 2 (Gumanitarnye nauki). 2014. № 2. S. 213-217.

8. Ivanov Vjach. O krizise gumanizma. K morfologii sovremennoj kul'tury i psihologii sovremenosti = About the crisis of humanism. To the morphology of modern culture and psychology of our time. URL: https://rvb.ru/ivanov/1_critical/1_brussels/vol3/01text/02papers/3_151.htm (Дата obrashhenija 20. 01. 2021).

9. Markuze G. Odnomernyj chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshhestva = One-dimensional person. Study of the ideology of a developed industrial society. Moskva : REFL-buk, 1994. 368 s.

10. Nabokov V. V. *Drugie berega = Other shores*. Sankt-Peterburg : Azbuka, Azbuka-Attikus, 2017. 288 s.
11. *Novejšij filosofskij slovar' = The latest philosophical dictionary*. – 3-e izd., ispravl. Minsk : Knizhnyj Dom, 2003. 1280 s.
12. Reznik Ju. M. *Sociokul'turnyj podhod kak metodologija issledovanija = Sociocultural approach as research methodology // Voprosy social'noj teorii*. 2008. Tom 2. № 1(2). S. 305-328.
13. Repina L. P. *Kul'turnaja pamjat' i problemy istoriopisanija (istoriograficheskie zametki)*. Preprint = Cultural memory and historical problems (historiographical notes). Preprint. Moskva : GU VShJe, 2003. 44 s.
14. Smit. D. *Byvshie ljudi. Poslednie dni russkoj aristokratii = Ex-men. The Last Days of the Russian Aristocracy*. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 400 s.
15. *Struktura i vosproizvodstvo pamjati o Sovetskom Sojuze = Structure and reproduction of the memory of the Soviet Union // Levada-centr*, 2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/24/struktura-i-vosproizvodstvo-pamyati-o-sovetskom-soyuze/> (Data obrashhenija 20.01.2021).
16. *Uroven' odobrenija Stalina rossijanami pobil istoricheskij rekord = The level of approval of Stalin by the Russians shattered a historical record // Levada-centr*, 2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/16/uroven-odobreniya-stalina-rossijanami-pobil-istoricheskij-rekord/> (Data obrashhenija 20. 01. 2021).
17. Shvejcer A. *Kul'tura i jetika = Culture and ethics*. Moskva : Progress, 1973. 344 s.
18. Shpengler O. *Zakat Evropy = The Decline of the West*. Moskva : Feniks, 1998. 640 s.
19. Juhannison K. *Istorija melanhonii = History of melancholy*. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 320 s.
20. *41 % molodezhi Rossii ne informirovan o stalinskih repressijah, 11 % – sobytijah Vtoroj Mirovoj vojny 41% of Russian youth is not informed about Stalin repressions, 11% – events of the Second World War // Levada-centr*, 2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/24/41-molodyozhi-rossii-ne-informirovany-o-stalinskih-repressiyah-11-o-sobytyyah-vtoroj-mirovoj-vojny/> (Data obrashhenija 20. 01. 2021).
21. Boym S. *The future of nostalgia*. Basic Books, 2008.
22. Marcos P. N. *History and the politics of nostalgia // Jowa Journal of Cultural Studies*. 2004. № 5 (Oct.). P. 23-35.
23. Wildschut T., Sedikides C., Arndt J., Routledge C. *Nostalgia: Content, triggers, functions // Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. № 91. P. 975-993.